

Б. И. Воротынскій

Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета.

ИСТЕРІЯ

ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ.

Публичная лекція, читанная 10 Марта 1901 года въ актовомъ залѣ Университета.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1901.

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Поповъ.*

ИЗДАТЕЛЬ
ИМПЕРАТОРСКИЙ УЧЕБНИЙ ИЗОДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТРЪ
1901

Мм. 2-ни и мм. 2-ри!

Медицина, какъ наука, изучающая здоровый и больной организмъ челоуѣка, вмѣстѣ съ быстро идущимъ впередъ развитіемъ нашихъ знаній въ области естествовѣдѣнія, начинаетъ постепенно расширять кругъ своихъ наблюденій и изслѣдованій. На ряду съ этимъ все ближе и тѣснѣе устанавливается связь медицины съ такими важными отраслями знанія, какъ криминальная антропология, социология и психология; многія положенія этихъ наукъ и сейчасъ основаны уже на данныхъ, заимствованныхъ изъ области медицинскихъ наблюденій или добытыхъ при помощи естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія.

Теперь можно уже смѣло сказать, что „врачебная наука не нуждается болѣе въ мантии мистицизма и таинственности и считаетъ своимъ лозунгомъ сдѣлать знанія всеобщимъ достояніемъ“. Это особенно важно въ настоящее время оттѣнить по отношенію къ такимъ сравнительно молодымъ отдѣламъ медицины, какъ психіатрія и невропатология, такъ какъ душевныя и нервныя болѣзни въ глазахъ публики всегда представлялись въ самомъ невѣрномъ и превратномъ видѣ. Сказанное главнымъ образомъ относится къ такъ называемымъ функціональнымъ нейрозамъ и въ частности—къ истеріи.

Между тѣмъ вѣрное пониманіе сущности этихъ столь часто встрѣчающихся психо-нервныхъ заболѣваній и знаніе дѣйствительныхъ причинъ ихъ происхожденія и развитія дали бы возможность установить болѣе правильный взглядъ на многія патологическія явленія современной общественной жизни,

могли бы пролить свѣтъ на нѣкоторые темные вопросы въ области психологіи, въ значительной степени помогли бы педагогамъ и воспитателямъ успѣшнѣе разобраться въ ихъ трудныхъ профессиональныхъ задачахъ; наконецъ, криминалисты-соціологи и моралисты также нашли бы для себя въ этомъ знаніи твердую точку опоры при разрѣшеніи многихъ спорныхъ вопросовъ, касающихся человѣческой порочности и преступности.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я и рѣшаюсь сегодня остановить ваше вниманіе на одномъ изъ самыхъ частыхъ функціональныхъ заболѣваній центральной нервной системы, извѣстномъ въ наукѣ подъ именемъ истеріи. При этомъ здѣсь же нахожу необходимымъ оговориться, что я не намѣренъ излагать предъ вами всѣ клиническія особенности этого богатаго разнообразными симптомами нейроза; я хочу остановиться главнымъ образомъ на разборѣ тагъ называемаго истерическаго характера или истерическаго темперамента, который съ психологической точки зрѣнія представляетъ собою немало интересныхъ чертъ и заслуживаетъ самаго серьезнаго научаго изученія.

Истерія принадлежитъ къ числу весьма часто встрѣчающихся нервныхъ заболѣваній. Старые врачи учили, что истерія свойственна исключительно женскому полу и что она вызывается поражениемъ сексуальныхъ органовъ, откуда собственно и произошло само названіе этой болѣзни. Однако въ настоящее время съ положительностью доказано, что истерія, даже въ ея классической формѣ, можетъ наблюдаться и у мужчинъ, хотя, безъ сомнѣнія, значительно рѣже, чѣмъ у женщинъ. Наиболѣе часто это заболѣваніе обнаруживается въ возрастѣ полового созрѣванія, но и другіе возрасты также не застрахованы отъ возможности развитія истерическихъ явленій.

Въ числѣ этиологическихъ моментовъ наслѣдственность занимаетъ выдающееся мѣсто; весьма нерѣдко при этомъ приходится наблюдать прямую наслѣдственную передачу, т. е.

истеричные родители производят потомство, отягченное истерическимъ же діатезомъ; въ другихъ случаяхъ вліяніе наследственности ограничивается лишь передачей тѣхъ или иныхъ признаковъ легенераціи, на почвѣ которой, при соответствующихъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ въ послѣдствіи развиться истерія; наконецъ, предрасположеніе къ истеріи можетъ передаваться отъ лицъ, не страдающихъ этой болѣзью, но вообще людей нервныхъ, истощенныхъ, физически слабыхъ или же душевно-больныхъ.

Если истерія является болѣзью приобрѣтенною, то въ числѣ вызывающихъ причинъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить неправильное воспитаніе. Въ этомъ отношеніи особенно вредное вліяніе оказываетъ на ребенка прочно укоренившаяся привычка очень рано развивать въ дѣтяхъ воображеніе фантастическими разказами о всевозможныхъ чудесахъ, о привидѣніяхъ, вѣдьмахъ и т. д. На ряду съ чрезмѣрнымъ возбужденіемъ чувствъ и раннимъ развитіемъ фантазіи у ребенка можно поставить также и такіе неразумные приемы воспитанія, какъ постоянное запугиваніе дѣтей, стремленіе держать ихъ подъ страхомъ наказанія. Въ болѣе позднемъ возрастѣ на развитіе истеріи оказываютъ вліяніе часто повторяющіеся аффекты и разнаго рода психическія травмы въ видѣ внезапнаго душевнаго потрясенія, сильнаго горя, испуга и проч.; въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и различные угнетающіе моменты, какъ то: несбывшіяся мечты, неудовлетворенная любовь, постоянныя оскорбленія самолюбію, всякія нравственныя страданія и т. д. Въ смыслѣ этиологическаго момента не малое значеніе имѣютъ также разнаго рода разстройства и ненормальныя возбужденія въ половой сферѣ.

Что касается сущности истеріи, то въ этомъ отношеніи мы до настоящаго времени не располагаемъ еще какими либо положительными данными; поэтому при объясненіи истерическихъ явленій мы вынуждены пока довольствоваться лишь вѣроятными теоріями или даже гипотезами. Несомнѣнно одно,

что въ основѣ истеріи не лежатъ грубо анатомическія пораженія, а она обуславливается только молекулярными, динамическими измѣненіями въ центральной нервной системѣ; этимъ и объясняется тотъ фактъ, что истерическія явленія могутъ внезапно развиваться и также быстро исчезать.

Большинство авторовъ придерживается психологическихъ воззрѣній на сущность истеріи, объясняя этотъ неврозъ то разстройствомъ въ сферѣ представленій, то суженіемъ поля сознанія, то раздвоеніемъ личности. Въ послѣднее время Sollier ¹⁾ построилъ физиологическую теорію происхожденія истеріи; эту теорію у насъ поддержалъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ развилъ и дополнилъ д-ръ Бр. Кнотте ²⁾.

Исходя изъ тѣхъ наблюденій, что истерія, на подобіе сна, по своимъ проявленіямъ характеризуется большей или меньшей оцѣпенѣлостью, недѣятельностью, какъ бы усыпленіемъ различныхъ группъ мозговыхъ центровъ, и что истеричные субъекты иногда впадаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ состояніе сомнамбулизма, Sollier пришелъ къ выводу, что всѣ истеричные являются сомнамбулистами, что всѣ они погружены въ особаго рода сонъ. Проводя параллель между естественнымъ сномъ и сномъ патологическимъ, въ который погружены истерики, Sollier основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Существуютъ факты (Введенскій), указывающіе на то, что при нормальныхъ условіяхъ психической дѣятельности постоянно происходитъ то угнетающее, то возбуждающее вліяніе однихъ мозговыхъ центровъ на другіе; такія двойственные вліянія при нормальныхъ условіяхъ комбинируются извѣстнымъ цѣлесообразнымъ образомъ и являются въ физиологическомъ смыслѣ необходимыми въ интересахъ общей иннервации. Когда человѣкъ находится въ бодрственномъ состояніи, то разнообразныя мозговые центры постоянно антагонизируютъ между собою, и по закону пра-

¹⁾ Genèse et nature de l'hysterie. Paris, 1897.

²⁾ Сущность истеріи.—Неврологич. Вѣстникъ, 1900 г., вып. 1.

діації вліяніє однихъ центровъ на другіє распространяется на весь мозгъ. Принимая во вниманіє эти факты, можно допустить, что сонъ есть активный процессъ торможенія мозга; состояніє сна представляетъ собою какъ бы „вооруженный миръ“ между мозговыми центрами, когда ови, иррадіруя и антагонизируя между собою въ теченіє дня, „приходятъ, наконецъ, послѣ продолжительной борьбы въ состояніє полного равновѣсія своей возбудимости, всѣ взаимно затормозивъ другъ друга въ одинаковой степени“. Д-ръ Кнотте допускаетъ, что у истеричныхъ свойство нервныхъ центровъ антагонизировать между собою значительно повышено; поэтому регуляторному механизму нервной системы, соблюдающему интересы общей иннерваціи, приходится очень много работать. Этотъ регуляторный механизмъ до поры до времени справляется съ своей задачей, но затѣмъ постепенно истощается; въ результатѣ—цѣлесобразное, фізіологическое вліяніє однихъ мозговыхъ центровъ на другіє разстраивается и равновѣсіє между ними такимъ образомъ нарушается. Вотъ истерія и представляетъ собою результатъ нарушенія фізіологическаго равновѣсія между нервными центрами, при чемъ это нарушеніє наступаетъ вслѣдствіє утомленія механизма, регулирующаго возбудимость мозга. Такъ какъ у женщинъ, обладающихъ болѣе слабой организаціей, регуляторный механизмъ нервной системы истощается гораздо легче и скорѣе, то въ этомъ и кроется причина того, что онѣ чаще заболѣваютъ истеріей.

Я не нахожу здѣсь умѣстнымъ долго останавливаться на критической оцѣнкѣ приведенной фізіологической теоріи происхожденія истеріи; считаю однако возможнымъ замѣтить, что въ основѣ этой теоріи лежатъ вѣрно подмѣченные и правильно истолкованные факты, и что, принимая ее, можно довольно удовлетворительно объяснить психо-фізіологическое дѣйствіє нѣкоторыхъ причинъ, вызывающихъ истерію. Поэтому, не утомляя долго вашего вниманія этимъ вопросомъ, представляющимъ интересъ по преимуществу для врача-спе-

ціаліста, переходжу къ краткому очерку тѣхъ патологическихъ явленій, которыя наблюдаются при истеріи.

Нейрозъ этотъ характеризуется чрезвычайнымъ разнообразіемъ расстройствъ въ различныхъ отдѣлахъ нервной системы. При истеріи поражается чувствительность, наблюдаются уклоненія въ психической дѣятельности, расстройства въ двигательной сферѣ, въ органахъ растительной жизни, въ области сосудодвигательныхъ нервовъ и т. д. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ эти болѣзненные симптомы не всегда носятъ одинаковый характеръ: въ однихъ случаяхъ расстройства эти обнаруживаются явленіями раздраженія, возбужденія, въ другихъ, наоборотъ, они характеризуются упадкомъ дѣятельности, задержкой, угнетеніемъ.

Оставляя въ сторонѣ многочисленные и безконечно разнообразные симптомы истеріи, весьма интересные въ клиническомъ отношеніи, мы займемся здѣсь главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ тѣхъ расстройствъ, которыя относятся къ психической дѣятельности и изъ совокупности которыхъ складывается такъ называемая истерическая психопатія, иначе— истерическій темпераментъ или истерическій характеръ.

То, что называется въ наукѣ истерическимъ діатезомъ или психическимъ вырожденіемъ истеричныхъ (*degeneratio psychica hysterica*), проявляется въ видѣ своеобразнаго измѣненія всей психической личности субъекта, въ особенномъ складѣ всей его психо-нервной организаціи. Главнѣйшія черты истерической дегенераціи состоятъ въ крайне неустойчивомъ равновѣсіи психическихъ функцій, въ отсутствіи гармоніи между разсудкомъ, чувствомъ и волей, въ поразительномъ противорѣчьи между словомъ и дѣломъ.

Въ сферѣ чувства у истеричныхъ поражаютъ крайняя быстрота и необычайная легкость въ смѣнѣ настроеній; эти смѣны настроеній возникаютъ неожиданно, являются совершенно немотивированными, ничѣмъ не вызванными. Сегодня истеричные субъекты веселы, подвижны, жизнерадостны, восторженны, воодушевлены; завтра они безъ всякой видимой при-

чины становятся вялыми, угнетенными, тоскливыми, мрачными до озлобленія, близкими къ отчаянію. Одновременно съ этимъ также прихотливо измѣняется отношеніе истеричныхъ ко всему окружающему: то, что незадолго передъ тѣмъ сильно волновало ихъ и возбуждало самыя сильныя чувствованія, къ тому они черезъ нѣсколько часовъ могутъ относиться совершенно равнодушно, безъ всякаго интереса; съ такой же легкостью они мѣняютъ свои симпатіи и антипатіи къ различнымъ лицамъ и даже къ очень близкимъ имъ людямъ. Очень нерѣдко можно наблюдать у истеричныхъ извращенную реакцію чувства: то, что должно вызывать и обыкновенно вызываетъ у здоровыхъ людей страданіе, горе, печаль,—то у истеричныхъ вызываетъ радость, удовольствіе, наслажденіе.

Необходимо замѣтить, что всѣ описанныя уклоненія въ сферѣ чувства особенно рѣзко проявляются у истеричныхъ женщинъ. Въ этомъ отношеніи женщина находится въ нѣсколько особенныхъ условіяхъ. На психической складъ женщины оказываютъ огромное вліяніе различныя ощущенія, исходяція изъ сексуальныхъ органовъ. Это нисколько не покажется удивительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что вообще разстройства тѣхъ или иныхъ органовъ всегда извѣстнымъ образомъ отражаются на состояніи нашихъ чувствованій. Уже старые врачи подмѣтили, что, напр., при грудныхъ болѣзняхъ больные дѣлаются особенно нѣжными, сострадательными, отзывчивыми; при болѣзняхъ сердца—раздражительными, подозрительными; при страданіяхъ пищеварительныхъ органовъ—печальными, желчными, меланхоличными. Но особенно отражаются на самочувствіи заболѣванія въ половой сферѣ. Тѣ или инья пораженія сексуальныхъ органовъ вызываютъ нерѣдко и въ особенности у нервныхъ субъектовъ приступы тоски и часто приводятъ ихъ въ отчаяніе. Наблюдательные врачи стараго времени вѣрно подмѣтили весьма тѣсное соотношеніе между „благородной функціей“ мозга и функціей низшаго порядка—функціей сексуальныхъ органовъ. Проф. Vall совершенно справедливо замѣчаетъ,

что изъ всѣхъ нормальныхъ инстинктовъ, которыми насъ надѣлила природа, ни одинъ не оказываетъ такого вліянія на наши чувства и на нашъ характеръ, какъ инстинктъ половой дѣятельности.

Душевная жизнь женщины особенно сильно подчиняется импульсамъ, имѣющимъ свой источникъ въ половой функціи. Древніе врачи почти всѣ нервныя болѣзни у женщинъ объясняли заболѣваніемъ матки, въ которой, по словамъ Гипократа, находится исходный пунктъ тысячи болѣзней. Платонъ изображаетъ матку, какъ живое существо, одаренное чувствомъ и движеніемъ, способное „съ яростью устремляться по всѣмъ направленіямъ, чтобы вызвать самыя серьезныя разстройства“. По мнѣнію Ковнера, такое представленіе объ этомъ органѣ является аллегорическимъ изображеніемъ того сложнаго комплекса симптомовъ, который свойственъ истеріи. По Дидро, женщина носитъ въ себѣ органъ (матка), распоряжающійся ею и порождающій въ ея воображеніи всевозможнаго рода призраки. Въ этомъ низшемъ центрѣ, т. е. въ маточной системѣ, говоритъ Дюбуа, концентрируются и отзываются всѣ быстрыя и внезапныя эмоціи, здѣсь сосредоточивается вся женщина въ теченіе средняго періода своей жизни.

Я умышленно привелъ мнѣнія различныхъ авторовъ относительно вліянія сексуальныхъ отравленій на сферу чувствованій женщины, чтобы показать этимъ, что тѣсная связь между названными двумя функціями всегда останавливала на себѣ вниманіе наблюдателей. Ежедневный опытъ подтверждаетъ то же самое. Всѣ мы знаемъ, что въ теченіе менструальнаго періода измѣненіе настроенія у женщинъ представляется обычнымъ явленіемъ: въ это время онѣ становятся капризными, раздражительными, возбужденными. Moriceau говоритъ, что женщины обыкновенно только тогда въ добромъ здоровьи, когда у нихъ регулы правильны, наступаютъ во время и въ надлежащемъ количествѣ; въ этомъ отношеніи онѣ не безъ основанія называютъ матку часами здоровья женщины; въ

этомъ же смыслѣ можно съ достаточнымъ правомъ считать этотъ органъ регуляторомъ женскаго здоровья.

Если даже въ нормальномъ состояніи женщина въ теченіе менструальнаго періода проявляетъ цѣлый рядъ измѣненій въ психической сферѣ, то женщина истеричная, впечатливая природѣ ежемѣсячно этотъ „кровавый налогъ“, весьма нерѣдко обнаруживаетъ при этомъ сложный комплексъ уже прямо патологическихъ явленій. Особенно много скоропреходящихъ болѣзненныхъ симптомовъ наблюдается у истеричныхъ женщинъ при неправильномъ теченіи менструальнаго періода и главнымъ образомъ при задержаніи регуль. Въ литературѣ описано много случаевъ, гдѣ у истеричныхъ женщинъ въ это время появлялись галлюцинаціи, навязчивыя идеи, импульсивныя стремленія къ поджогамъ, воровству, пьянству, попытки къ самоубійству и т. д. Вообще нужно сказать, что менструальный періодъ въ рѣзкой степени повышаетъ нервную возбудимость истеричныхъ. Нѣкоторые авторы предлагаютъ даже выдѣлить особый видъ менструальной истеріи аналогично тому, какъ это сдѣлано для травматической истеріи и для истеріи алкогольной.

Изъ другихъ разстройствъ въ сферѣ чувства обращаетъ на себя вниманіе нерѣдко наблюдаемое у истеричныхъ необыкновенное изощреніе органовъ чувствъ въ связи съ поразительной живостью воспріятій и особенной пылкостью фантазій. Истеричныя, напр., могутъ видѣть иногда невооруженнымъ глазомъ микроскопическіе препараты, въ состояніи читать письмо, вложенное въ нѣсколько конвертовъ, или различать цвѣтъ окрашенной бумаги, завернутой нѣсколько разъ бѣлой бумагой. Эти и другіе аналогичные факты часто внушаютъ публикѣ вѣру въ ясновидѣніе, приводятъ къ призванію ложной науки угадыванія чужихъ мыслей, къ увлеченію спиритизмомъ и проч. У многихъ истеричныхъ существуетъ особенная склонность къ псевдореминисценціямъ, т. е. къ обманамъ воспоминанія: часто истеричныя женщины вспоминаютъ такіе факты, рассказываютъ о такихъ вещахъ, кото-

рых онѣ никогда не видѣли и не слышали, приписываютъ себѣ такіе поступки, которыхъ онѣ никогда не совершали. Въ основѣ такихъ обмановъ воспоминанія иногда лежатъ галлюцинаціи, которыя особенно часто бываютъ въ области половыхъ ощущеній. На этомъ нерѣдко основываются ложныя самообвиненія истеричныхъ или обвиненія въ изнасилованіи, взводимыя ими весьма нерѣдко на врачей и священниковъ; этимъ разстройствомъ памяти отчасти можно объяснить подчасъ чудовищную лживость нѣкоторыхъ истеричныхъ и ихъ безцѣльное стремленіе къ обману, клеветѣ, лжесвидѣтельству.

По временамъ интеллектуальная дѣятельность истеричныхъ также замѣтно обостряется: онѣ становятся остроумными, находчивыми, быстро усваиваютъ новыя впечатлѣнія, ихъ воображеніе сильно экзальтируется и онѣ обнаруживаютъ удивительныя душевныя способности, до того имъ не свойственныя. *Brierre de Boismont*¹⁾ рассказываетъ объ одной истеричной дамѣ, происходящей изъ нейропатической семьи, которая въ періодъ менструаціи испытывала такой сильный подъемъ нервной энергіи, такое сильное психическое возбужденіе, что ея душевное состояніе въ это время удивляло всѣхъ, и она сама себя не узнавала: она тогда разсуждала о предметахъ, ранѣ совершенно не доступныхъ ея пониманію, говорила о политикѣ, разрѣшала историческіе вопросы, сочиняла стихи, произносила рѣчи. Жанна д'Аркъ имѣла 19 лѣтъ, когда была сожжена на кострѣ въ Руанѣ въ 1431 году; къ этому времени она еще не начинала менструировать; этотъ фактъ установленъ документальными данными, такъ какъ по приказанію церковныхъ властей она нѣсколько разъ подвергалась прямому изслѣдованію въ этомъ направленіи. Нѣкоторые авторы полагаютъ, что отсутствіе у этой героини менструальной функціи не осталось безъ вліянія на возникновеніе у

¹⁾ Цит. по Icard'y. Женщина въ періодъ менструаціи. Пер. съ франц. Казань, 1901.

ней галлюцинацій, на появленіе состояній экстаза, на развитіе патріотическаго мистицизма, благодаря которому она увѣровала въ свое великое предназначеніе. Извѣстно, что знаменитая стигматка середины 19 столѣтія, возбуждившая тогда до крайней степени страсти религіознаго и научнаго міра, Луиза Латò, была глубокой истеричкой, и что тѣ нейропатическія явленія, тѣ признаки стигматизаціи, которые принимались за какое-то чудо, развились у нея на 9-мъ году жизни, вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ менструацій.

Что подѣ влияніемъ различныхъ условий, выводящихъ нервную систему изъ состоянія равновѣсія, могутъ временно обнаруживаться необычныя душевныя способности и даже проявленія художественнаго творчества,—объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе примѣры. Д-ръ *Россолимо* ¹⁾ рассказываетъ объ одномъ студентѣ, страдавшемъ лунатизмомъ, который не проявлялъ никогда никакихъ—ни поэтическихъ, ни другихъ артистическихъ наклонностей и который однажды при немъ во снѣ, въ состояніи естественнаго сомнамбулизма, написалъ очень милое четверостишье, охарактеризовавши въ поэтическихъ выраженіяхъ и въ удачной формѣ волновавшія его въ то время чувства къ одной молодой особѣ. Въ другомъ случаѣ этотъ же авторъ былъ свидѣтелемъ такого факта. Будучи однажды вызваннымъ экстренно къ одной пациенткѣ, талантливой музыкантшѣ, которая раньше у него лечилась отъ большой истеріи, онъ засталъ ее съ небольшими признаками жизни, съ петлей на шеѣ изъ полотенца, привязаннаго къ ножкѣ кровати; на столикѣ, у открытаго піанино, лежалъ исписанный листъ нотной бумаги. Выяснилось, что по возвращеніи домой изъ консерваторіи эта особа впала въ безпамятство, продѣлала нѣкоторыя фазы своего припадка и, не приходя въ сознаніе, сѣла за инструментъ, сымпровизировала и набросала партитуру очень интересной и разработанной части

¹⁾ Русская Мысль за 1901 г., Февраль. Искусство, больные нервы и воспитаніе.

фортепианнаго трію; не выходя изъ сомнамбулическаго состоянія и изливши въ музыкальной формѣ свою тоску, она, все въ томъ же состояніи безпамятства, затынула петлю на шеѣ. Придя въ себя, она ничего не понимала изъ происшедшаго и не узнала своего произведенія.

Особенно рѣзкія патологическія уклоненія наблюдаются у истеричныхъ субъектовъ въ сферѣ воли и объясняются слабостью этой послѣдней. Nuchard правильно опредѣлилъ характеръ разстройствъ въ сферѣ воли у истеричныхъ, сказавъ, что „истеричныя не умѣютъ, не могутъ, не хотятъ желать“. Дѣйствительно, желанія истеричныхъ обыкновенно мимолетны, измѣнчивы, причудливы, прихотливы; здѣсь лежитъ источникъ тѣхъ необъяснимыхъ капризовъ, тѣхъ неожиданныхъ рѣшеній и внезапныхъ, взбалмошныхъ поступковъ, которые такъ свойственны истеричнымъ и которые приобрѣли уже всеобщую извѣстность. Слабость воли истеричныхъ страннымъ образомъ сочетается съ непрестанной потребностью возбуждаться, интриговать, обращать на себя вниманіе, играть роль, заставлять говорить о себѣ. Для достиженія этой цѣли истеричныя женщины не пренебрегаютъ никакими средствами, не останавливаются ни предъ какими препятствіями. Въ этомъ отношеніи онѣ прямо удивляютъ своей настойчивостью, своимъ упорствомъ при выполненіи различныхъ фантастическихъ желаній. Вообще подмѣчено, что истеричныя проявляютъ много энергіи, чтобы сдѣлать то, что имъ хочется, и при этомъ обнаруживаютъ совершенный недостатокъ воли при попыткѣ не сдѣлать того, что хочется, или сдѣлать что-либо по обязанности.

Средствомъ для достиженія своихъ желаній истеричныя избираютъ обыкновенно обманъ, притворство и клевету: это ихъ излюбленное оружіе, которымъ онѣ владѣютъ съ большимъ искусствомъ и паразитической ловкостью; это оружіе онѣ одинаково направляютъ и противъ своихъ враговъ, и противъ друзей, а также безразлично и противъ близкихъ имъ людей, и противъ совершенно имъ постороннихъ. Послѣ близкихъ людей, напр.—мужей, братьевъ, сестеръ, родителей

и другихъ родственниковъ, онѣ особенно часто изощряются въ лжи и обманѣ передъ духовниками и врачами; для этого онѣ умышленно преувеличиваютъ свои страданія, выдумываютъ самые чудовищные симптомы, симулируютъ тяжелое заболѣваніе, притворяются глубоко страдающими и вообще прибѣгаютъ къ всевозможнымъ хитростямъ, чтобы обмануть врача и заставить его признать у нихъ какую либо необыкновенную болѣзнь. Такая болѣзненная потребность притворяться, такое несомнѣнно патологическое стремленіе къ обману, такая непреодолимая страсть ко лжи—подчасъ прямо граничатъ съ безуміемъ; при этомъ истеричныя всегда идутъ къ цѣли смѣло и укорно, стараясь съ тонкимъ лукавствомъ и большой проникаемостью придать характеръ правдоподобія всѣмъ своимъ вымысламъ и фантазіямъ, и часто обманываютъ даже тѣхъ, кто меньше всего склоненъ ихъ слушать и вѣрить имъ.

Весьма интересный случай одной истерички приводитъ *Legrand du Saullé* ¹⁾. Эта особа съ удивительной настойчивостью стала увѣрять итальянскаго короля Виктора Эммануила, что она побочная дочь его сестры. Такъ какъ эта истеричка жила во Франціи, то для провѣрки ея разсказа императоромъ Наполеономъ, по просьбѣ короля, была поставлена на ноги вся полиція, но произведенное слѣдствіе не привело ни къ какимъ результатамъ. Однако сама истеричная все таки успѣла убѣдить въ правдивости своихъ словъ посланнаго королемъ адъютанта, послѣ чего она была отправлена въ Италію и помѣщена въ королевскомъ дворцѣ. Скоро она самовольно покинула Италію и вновь возвратилась въ Парижъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что она была дочерью одного парижскаго парикмахера и что во всѣхъ ея разсказахъ не было ни слова правды.

Часто стремленіе истеричныхъ къ лжи и къ клеветѣ принимаетъ размѣры преступленія и нерѣдко послѣдствіемъ

¹⁾ Цит. по Д. Дрилю. Психофизическіе типы. 1900, стр. 58.

такихъ ложныхъ обвиненій съ ихъ стороны являлись судебные процессы, кончавшіеся осужденіемъ невинныхъ жертвъ ихъ безумныхъ продѣлокъ. Въ состояніи озлобленія, сгораемая отъ желанія мести, истеричныя часто не знаютъ границъ преслѣдованія своей жертвы: онѣ мстятъ ненавистному имъ человѣку даже послѣ его смерти, мстятъ его роднымъ, близкимъ, знакомымъ. Тотъ же *Legrand du Saulle* ¹⁾ описываетъ одну больную *М.*, молодую истеричную дѣвушку, которая была покинута своимъ любовникомъ и смертельно возненавидѣла его за это. Однажды въ сосѣднемъ виноградникѣ много лозъ оказалось испорченными. *М.* подъ присягой показала, что виновникомъ этого дѣянія былъ ея прежній любовникъ и его братъ и что она собственными глазами видѣла, какъ они рѣзали лозы. Оба обвиняемые, несмотря на благопріятные отзывы свидѣтелей о хорошемъ ихъ поведеніи, были осуждены. Спустя годъ послѣ этого, *М.* однажды прибѣжала съ поля въ деревню—окровавленная и крича о помощи. У ней были найдены многочисленныя пораненія на груди, на шеѣ, на рукахъ; въ нанесеніи ей этихъ ранъ она обвинила дядо своего бывшего любовника, который и былъ осужденъ на пятилѣтнее тюремное заключеніе. Черезъ нѣсколько времени *М.* пыталась сыграть такую же преступную комедію еще съ однимъ родственникомъ изъ той же ненавистой ей семьи, но неудачно, такъ какъ тому удалось доказать свое *alibi*. Вскорѣ послѣ этого мать *М.*, войдя однажды въ хлѣвъ, увидѣла, что сосцы у коровъ обрѣзаны. И въ этомъ *М.* не задумалась обвинить своего бывшего любовника и тутъ же кромѣ того заявила, что онъ является также виновникомъ пожара, который былъ въ ихъ деревнѣ. Слѣдствіе показало, что всѣ эти обвиненія являлись сплошнымъ обманомъ и что всѣ указанныя продѣлки—дѣло рукъ самой *М.* Дальнѣйшая жизнь и судьба *М.* вполне подтвердили болѣзненный темпераментъ

¹⁾ Les hysteriques.

этой особы. Вскорѣ она приняла на себя роль ясновидящей и святой. Однажды на ея подушкѣ нашли искусно сдѣланный вѣнокъ изъ цвѣтовъ съ надписью на немъ; она утверждала, что вѣнокъ принесенъ ей ангеломъ. Къ мнимой мученицѣ стали отовсюду стекаться паломники, и М. заработала на этомъ порядочную сумму. Когда продѣлки М. были раскрыты, она вынуждена была покинуть деревню и поступила въ услуженіе; скоро однако была привлечена къ суду за кражу; потомъ вышла замужъ, но послѣ смерти мужа попала въ исправительный домъ за составленіе подложнаго завѣщанія. Можно смѣло предположить, что и вся дальнѣйшая жизнь этой несчастной женщины была рядомъ подобныхъ же злоключеній, въ основѣ которыхъ лежитъ ея болѣзненная психо-нервная организація, вызвавшаяся въ истерической дегенераціи.

Изъ всего предыдущаго можно видѣть, что у истеричныхъ субъектовъ всегда имѣются элементарныя разстройства психическихъ отправленій, выражающіяся аномалиями въ сферѣ чувства, интеллекта и въ особенности въ сферѣ воли. Совокупность всѣхъ этихъ разстройствъ и составляетъ то, что извѣстно подъ именемъ истерическаго характера.

Я хочу здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться на выясненіи основныхъ чертъ темперамента истеричныхъ, такъ какъ психическія особенности этихъ „странныхъ“ натуръ съ научной точки зрѣнія заслуживаютъ самаго серьезнаго обсужденія, а въ практическомъ отношеніи представляютъ большой интересъ. Въ особенности заслуживаетъ вниманія психологія этихъ болѣзненныхъ натуръ въ смыслѣ выясненія ихъ роли въ семейной и общественной жизни.

Истерическій характеръ складывается изъ слѣдующихъ основныхъ признаковъ: неустойчивое равновѣсіе душевныхъ отправленій, болѣзненно легкая возбудимость психическаго механизма, обуславливающая быструю смѣну настроеній, и слабость воли. Указанными особенностями психическаго склада истеричныхъ можно объяснить всѣ тѣ аномаліи, которыя наблюдаются въ проявленіяхъ ихъ чувства, въ ихъ поступкахъ.

Какъ уже было замѣчено, на первомъ планѣ у истеричныхъ стоятъ разстройства въ сферѣ чувства. Являясь крайне впечатлительными и легко возбудимыми, истерики очень живо реагируютъ на всѣ внѣшнія и внутреннія психическія раздраженія, въ результатѣ чего и получается у нихъ быстрая смѣна душевныхъ волненій, выражающаяся измѣненіями настроенія, которыя проявляются неожиданнымъ переходомъ отъ слезъ къ смѣху, отъ веселья къ грусти, отъ радости къ печали, отъ надежды къ отчаянію. Съ другой стороны, быстро протекающія представленія, окрашивающіяся въ то же время живыми чувствованіями, вызываютъ въ сознаніи истеричныхъ безпрестанно мѣняющіяся желанія. Вотъ почему эти больные являются требовательными, прихотливыми, причудливыми, капризными и непостоянными въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Извращеніе чувствованій у истеричныхъ служитъ поводомъ къ развитію у нихъ такъ называемыхъ идіосинкразій, т. е. безотчетнаго, непреодолимаго отвращенія къ извѣстнымъ предметамъ, дѣйствіямъ и лицамъ, подчасъ даже самымъ близкимъ и дорогимъ.

Благодаря тому, что истеричные субъекты очень часто испытываютъ массу самыхъ разнообразныхъ болѣзненныхъ ощущеній и что у нихъ вообще преобладаютъ впечатлѣнія непріятнаго, подавляющаго характера,—благодаря этому они всегда чувствуютъ себя глубоко несчастными и постоянно поглощены заботами о собственной личности. Отсюда развивается у нихъ черствый эгоизмъ, нравственная тупость, крайнее себялюбіе и равнодушное отношеніе, или даже непріязненное, ко всѣмъ окружающимъ. Такимъ путемъ эти эгоистичныя натуры, увлекаемая своей болѣзненно-возбужденной фантазіей, скоро доходятъ до крайняго преувеличенія своихъ страданій, а это въ свою очередь склоняетъ ихъ къ притворству и къ невольному стремленію вызывать къ себѣ сочувствіе и возможно болѣе заинтересовать собою всѣхъ окружающихъ. Съ этою цѣлью они выдумываютъ самыя невѣроятныя вещи, лгутъ и обманываютъ. Всѣмъ извѣстны продѣлки

истеричныхъ, вызывающихъ у себя искусственно стигматизацию, наносящихъ себѣ различныя поврежденія, обвиняющихъ въ изнасилованіи и т. д. Если прибавить къ этому необыкновенную впечатлительность истеричныхъ и болѣзненно усиленную дѣятельность ихъ фантазіи, тогда намъ станетъ достаточно понятнымъ своеобразный душевный складъ этихъ больныхъ, у которыхъ при такихъ условіяхъ легко могутъ возникать галлюцинаціи, могутъ развиваться навязчивыя идеи, импульсивныя стремленія. Возникновеніе такихъ элементарныхъ расстройствъ въ душевной сферѣ обязано тому, что дѣятельность высшихъ мозговыхъ центровъ у истеричныхъ значительно понижена, воля ихъ ослаблена, въ силу чего низшіе мозговые центры, вслѣдствіе самороднаго раздраженія, функционируютъ особенно дѣятельно и функція ихъ проявляется въ формѣ импульсивныхъ влеченій и автоматическихъ поступковъ.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на часто встрѣчающіяся у истеричныхъ женщинъ аномаліи полового влеченія. Прежде всего, вопреки мнѣнію многихъ авторовъ, я долженъ замѣтить, что половое влеченіе у женщинъ вообще выражено значительно слабѣе, чѣмъ у мужчинъ. Если женщину влечетъ къ мужчинѣ, если она нуждается въ немъ, то этимъ она обязана главнымъ образомъ сильно развитому въ ней материнскому инстинкту. Привлечь къ себѣ мужчину стремится каждая женщина, но она дѣлаетъ это инстинктивно, въ силу рокового побужденія выполнить свое призваніе жены и матери. Въ этомъ инстинктивномъ стремленіи къ выполненію своего назначенія женщина дѣйствительно проявляетъ сильно выраженное влеченіе къ противоположному полу. Но половая чувственность, какъ таковая, выражена у женщины сравнительно слабо. Если любовь въ жизни женщины играетъ первенствующую роль, то это еще не является доказательствомъ бѣльшей ея чувственности. Источникъ этой любви опять-таки кроется въ стремленіи женщины удовлетворить чувству материнства, а эротическія

наклонности играют при этомъ второстепенную роль. Тен-
nyson совершенно вѣрно замѣтилъ, что „страсть мужчины отно-
сится къ страсти женщины, какъ солнечный свѣтъ къ лун-
ному сіянію“. Michelet ¹⁾ не безъ основанія говоритъ, что
„одно лишь глупое тщеславіе мужчины можетъ заставить его
думать, что женщина отдается ему въ силу физической любви
къ нему“. Безъ сомнѣнія слѣдуетъ считать справедливымъ,
что если мужчина часто любитъ въ женщинѣ самку, то жен-
щина въ большинствѣ случаевъ любитъ въ мужчинѣ супруга
и отца своихъ дѣтей. Это краснорѣчиво подтверждается кри-
комъ Рахили, обращеннымъ къ Іакову: „дай мнѣ ребенка—
или я умру!“

Среди истеричныхъ женщинъ очень нерѣдко можно
встрѣтить такихъ, у которыхъ сексуальное влеченіе повиди-
мому развито сильно, по крайней мѣрѣ на это указываетъ
ихъ своеобразное кокетство, ихъ настойчивое желаніе возбу-
дить въ мужчинѣ особое къ себѣ отношеніе,—и тѣмъ не
менѣе эти женщины остаются совершенно безразличными къ
удовольствіямъ любви. Многія изъ нихъ чувствуютъ даже
непреодолимое отвращеніе къ сексуальному удовлетворенію,
несмотря на то, что обожаютъ своихъ мужей. Эти послѣдніе
случаи имѣютъ большое судебно-медицинское значеніе, такъ
какъ подобныя аномаліи полового чувства иногда являются
мотивомъ многихъ преступленій, особенно въ нашей крестьян-
ской средѣ, гдѣ браки заключаются рано и часто носятъ
принудительный характеръ.

Таковы въ общихъ чертахъ характеристическія особен-
ности психической дегенерации истеричныхъ субъектовъ. По-
смотримъ теперь, какую роль играетъ, какое значеніе имѣетъ
истеричный темпераментъ въ семейной и общественной жизни.

Внося въ семейныя отношенія свою психическую не-
устойчивость, свою болѣзненную впечатлительность, свою

¹⁾ См. С. Lombroso et G. Ferrero. Женщина преступница и
проститутка. Рус. пер.

измѣнчивость, свои странности и капризы, свой крайній эгоизмъ, истеричные субъекты становятся въ семьѣ положительно въ тягость какъ самимъ себѣ, такъ и всѣмъ близкимъ. Частыя измѣненія въ настроеніи духа обусловливаютъ у нихъ постоянное недовольство всѣмъ окружающимъ; недостатокъ воли и неспособность къ правильному систематическому труду вызываютъ скуку, отвращеніе къ жизни, отчаяніе; безотчетныя антипатіи къ нѣкоторымъ лицамъ приводятъ къ ссорамъ, интригамъ и злобной неависти. Все это вноситъ въ семейную жизнь семена раздора, все это разбѣдающимъ образомъ дѣйствуетъ на весь строй семейныхъ отношеній. Подозрительность и ревность истеричныхъ женщинъ, порождаемая болѣзненно усиленной дѣятельностью ихъ воображенія, а частью основанная на ненормальныхъ половыхъ ощущеніяхъ, часто служатъ поводомъ къ крупнымъ недоразумѣніямъ, заканчивающимся скандальными процессами или просьбами о разводѣ. Мало того: благодаря такимъ особенностямъ истерическаго характера, могутъ извращаться у женщины даже естественныя чувства материнской любви и превращаться въ болѣзненное отвращеніе къ собственнымъ дѣтямъ, которое приводитъ къ жестокому съ ними обращенію и даже къ истязанію.

Если истеричная мать и жена вноситъ въ семью адъ и раздоръ, то не меньшее горе и несчастье приноситъ родителямъ истеричная дочь. Такъ какъ истерія часто возникаетъ въ періодѣ полового развитія, то въ семьѣ нерѣдко можно встрѣтить молодыхъ дѣвушекъ съ истерическимъ характеромъ. Весь періодъ развитія этихъ странныхъ и глубоко несчастныхъ натуръ представляетъ собою пеструю смѣну противоположныхъ влеченій души, завершающихся цѣлымъ рядомъ импульсивныхъ поступковъ, немотивированныхъ дѣйствій. Для примѣра я приведу исторію болѣзни ¹⁾ одной

¹⁾ L. du Saule. Les hysteriques.

истеричной дѣвушки, причѣмъ эта исторія болѣзни въ то же время можетъ служить исторіей ея развитія, исторіей ея несчастной жизни. Одна молодая дѣвушка Х. начала обнаруживать истерическія явленія въ періодѣ полового развитія; въ пансіонѣ, гдѣ она воспитывалась, у нея стала проявляться сильно выраженная склонность къ воровству, носившая импульсивный характеръ. Чтобы противодействовать порочнымъ влеченіямъ дѣвушки, родители начали развивать въ ней и безъ того уже сильно выраженныя религіозныя чувства. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ дѣвушка стала проявлять экзальтированное благочестіе. Тогда ее на 20 году отдали въ монастырь. Здѣсь особенности ея характера стали проявляться еще рѣзче: она сдѣлалась сварливой, неуживчивой, причудливо-капризной, сочиняла множество живыхъ разсказовъ, дѣлала доносы, сѣяла раздоръ между своими сожительницами, всѣхъ обманывала, писала анонимныя письма, обвинила священника въ изнасилованіи ея и наконецъ бѣжала изъ монастыря и вновь поселилась въ родительскомъ домѣ. Тутъ она своимъ поведеніемъ приводила въ ужасъ все семейство и сдѣлалась положительно невыносимой въ домашней обстановкѣ. Теперь ея набожность смѣнилась влеченіями любовнаго характера: она съ увлеченіемъ стала читать пикантные романы, при мужчинахъ принимала вызывающія позы, вела съ ними скабрзные разговоры, дѣлала любовныя предложенія. Родители рѣшили выдать ее замужъ. Первые два года замужества протекли сравнительно спокойно, но затѣмъ она стала пить водку, съ мужемъ заводила постоянныя ссоры, била прислугу, посѣщала дѣвицъ вольнаго поведенія, дѣлала кражи изъ магазиновъ и т. д. Между супругами послѣдовало добровольное разлученіе, послѣ чего наша героиня бѣжала за границу съ однимъ торговымъ комиссіонеромъ и тамъ начала вести развратную жизнь проститутки; вскорѣ она была осуждена за покушеніе на убійство; послѣ этого заразилась сифилисомъ и окончила жизнь самоубійствомъ. Печальная, полная злоключеній жизнь этого глубоко

несчастливаго существа представляетъ типичную картину болѣзненныхъ проявленій истеричнаго темперамента.

Другой классическій примѣръ истеричнаго темперамента я могу заимствовать изъ русской литературы. Такой примѣръ далъ намъ великій романистъ - психологъ Достоевскій въ своемъ романѣ „Идіотъ“, гдѣ онъ художественно обрисовалъ типъ истеричной женщины. Такой типичной носительницей истерическаго характера въ его романѣ является Настасья Филипповна ¹⁾. Вся бурная жизнь этой эксцентричной женщины проходитъ передъ читателемъ въ видѣ цѣлаго ряда до крайности измѣнчивыхъ душевныхъ движеній, подъ вліяніемъ которыхъ она дѣлаетъ массу самыхъ беспорядочныхъ поступковъ, неожиданныхъ для нея самой и совершенно загадочныхъ для всѣхъ окружающихъ. Бывшій ея воспитатель, а потомъ сожитель, Тоцкій, характеризуетъ ее „существомъ необыкновеннымъ“, „существомъ изъ ряду вонъ“, которое „ви передъ чѣмъ рѣшительно не остановится“, такъ какъ „рѣшительно ничѣмъ на свѣтѣ не дорожить“. Это существо можетъ „безвозвратно себя погубить, лишь бы надругаться надъ человѣкомъ“, къ которому питаетъ отвращеніе и презрѣніе. Покинутая Тоцкимъ въ сельцѣ Отрадномъ, Настасья Филипповна вдругъ узнаетъ, что ея бывшій сожитель женится и дѣлаетъ солидную и блестящую партію. Убѣдившись въ этомъ, Настасья Филипповна выказываетъ „необычайную рѣшимость и обнаруживаетъ самый неожиданный характеръ“. „Долго не думая, она бросила свой деревенскій домикъ и вдругъ явилась въ Петербургъ, прямо къ Тоцкому, одна одиноконька. Тоцкій не узналъ Настасью Филипповну; передъ нимъ сидѣла совершенно другая женщина“.... „это былъ совершенно не тотъ характеръ, какъ прежде, т. е. не что-то робкое, пансіонски неопредѣленное, иногда очаровательное

¹⁾ Насколько намъ извѣстно, впервые этотъ типъ съ точки зрѣнія психопатологіи разобранъ Д. А. Д р и л е м ъ. См. его «Психофизическіе типы». 1890 г.

по своей оригинальной рѣзкости и наивности, иногда грустное и задумчивое, недобѣрчивое, плачущее и безпокойное“. — „Нѣтъ: тутъ хохотало передъ нимъ и кололо его ядовитѣйшими сарказмами необыкновенное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имѣло къ нему въ своемъ сердцѣ ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія, презрѣнія до тошноты“. „Эта новая женщина объявила, что она пріѣхала не позволить ему этотъ бракъ, и не позволить по злости, единственно потому, что ей такъ хочется, и что слѣдственно такъ и быть должно“. — „Ну, хоть для того, чтобы мнѣ только посмѣяться надъ тобой въ волю“. Въ дальнѣйшемъ Настасья Филипповна совершаетъ одинъ за другимъ самые странные, самые неожиданные поступки. Явившись въ семью своего жениха Гаврила Ардалоновича для перваго знакомства съ его родными, она тутъ же подъ вліяніемъ аффекта устраиваетъ грубую сцену торга съ Рогожинымъ. Въ тотъ же вечеръ она продѣлываетъ другую, столь же неожиданную и дикую сцену при нарочно собранномъ многочисленномъ обществѣ. Въ это время „она была какъ въ истерикѣ, суетилась, смѣялась судорожно, припадочно“. Собравши гостей, она зло смѣется при всѣхъ надъ Тоцкимъ и надъ своимъ женихомъ, бросаетъ въ печку сто тысячъ рублей, предложенные ей Рогожинымъ, неожиданно проявляетъ особенную нѣжность и расположеніе къ князю Мышкину, который выразилъ желаніе жениться на ней, и затѣмъ вдругъ уѣзжаетъ съ Рогожинымъ и съ его пьяной компаніей, заявляя всѣмъ во всеуслышаніе, что она „уличная, развратная“. Послѣ этой безумной сцены она начала бросаться отъ Рогожина къ князю, а отъ князя къ Рогожину и каждого изъ нихъ просила спасти ее. О состояніи ея въ это время Рогожинъ рассказываетъ князю, что она „точно сумасшедшая была весь этотъ день“, „то плакала, то убивать меня собиралась ножемъ, то ругалась надо мной“. Послѣ всѣхъ этихъ сценъ она вновь даетъ слово выйти за Рогожина и даже назначаетъ день свадьбы. Но и это была только минутная вспышка. Вслѣдъ затѣмъ у ней созрѣваетъ новое, неожиданное рѣшеніе устроить бракъ князя, къ кото-

тому она сердечно расположена, съ другой женщиной, съ Аглаей Епанчиной. Однако скоро она дѣлаетъ своей соперницѣ Аглаѣ бурную сцену, опять гонить Рогожина и бросается къ князю. — „Уйди Рогожинъ, тебя не нужно!—кричала она почти безъ памяти, съ усиліемъ выпуская слова изъ груди, съ искажившимся лицомъ и съ запекшимися губами.— Вотъ онъ, смотри!—прокричала она, наконецъ, Аглаѣ, указывая на князя. Если онъ сейчасъ не подойдетъ ко мнѣ, не возьметъ меня и не броситъ тебя, то бери же его себѣ, уступаю, мнѣ его не надо“.... Князь колебался. Аглая не перенесла даже и мгновенія его колебанія и въ отчаяніи бросилась вонъ изъ комнаты. Когда Настасья Филипповна, придя въ себя, увидѣла стоявшаго подлѣ князя, она бросилась къ нему: „Мой! Мой!—вскричала она. Ушла гордая барышня?—смѣялась она въ истерикѣ. Я его этой барышнѣ отдавала! Да зачѣмъ? Для чего? Сумасшедшая! Сумасшедшая!.. Поди прочь, Рогожинъ“... Тутъ она вновь рѣшаетъ сама выйти за князя. Но и это рѣшеніе она не привела въ исполненіе. На дорогѣ къ вѣнцу вдругъ ею охватываетъ новый порывъ, она поддается новому влеченію.—„Уже отворилась дверца кареты, уже Келлеръ подаль невѣстѣ руку, какъ вдругъ она вскрикнула и бросилась съ крыльца прямо въ народъ. Всѣ провожавшіе ее оцѣпенѣли отъ изумленія, толпа раздвинулась передъ нею, и въ пяти, въ шести шагахъ отъ крыльца показался вдругъ Рогожинъ. Его-то взглядъ и поймала въ толпѣ Настасья Филипповна. Она добѣжала до него какъ безумная и схватила его за обѣ руки. Спаси меня, увези меня, куда хочешь, сейчасъ!“—Рогожинъ ее увезъ. Но эта безумная выходка была уже послѣдней ставкой въ измѣнчивой и разнужданной жизни Настасьи Филипповны, и окончилась она роковой развязкой. Дикая, эгонистичная, прямо патологическая любовь этой эксцентричной женщины причинила Рогожину столько мученій, доставила ему столько страданій, что онъ, въ конецъ измученный и истерзанный, рѣшается разомъ все покончить—и убиваетъ любимую женщину. Такъ покончила свое существованіе Настасья Филипповна, натура непостоян-

ная, инстинктивная, женщина „безопасная и неудержимая въ своихъ желаніяхъ“, жизнь которой протекала столь безпорядочно, неровно, бурно, конвульсивно. Настасья Филипповна воплотила въ себѣ всѣ основныя черты истеричнаго темперамента и вся ея жизнь сплошь представляетъ собою скорбный листъ больной, истеричной женщины, носящей на себѣ печать психической дегенераціи. Только великій знатокъ больной души человѣка, какимъ былъ Достоевскій, могъ создать такой живой, вѣрный, рельефный типъ женщины, страдающей истерической психопатіей.

Небезынтересно теперь нѣсколько остановиться на той роли, какую играетъ истерія въ общественной жизни. Тѣ патологическія проявленія, которыми характеризуется этотъ неврозъ, часто давали и теперь еще нерѣдко даютъ поводъ къ возникновенію всевозможныхъ суевѣрій, ложныхъ ученій, чудесныхъ разказовъ, основанныхъ на вѣрѣ въ сверхъестественное, таинственное.

Если стать на ту точку зрѣнія, что истерическій неврозъ представляетъ собою состояніе, аналогичное сомнамбулизму, тогда для насъ явится возможность легче разобратъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ истеричныхъ, которые выполняются чувствительно-двигательными механизмами безъ участія высшихъ мозговыхъ центровъ. Сомнамбулисты или лунатики, находясь въ сноподобномъ состояніи, могутъ безсознательно совершать разнаго рода дѣйствія и поступки, часто очень сложныя и вполне координированныя, могутъ ходить, говорить, писать; затѣмъ, выйдя изъ этого состоянія, они обыкновенно не сохраняютъ никакого воспоминанія о всемъ происходившемъ съ ними въ этотъ періодъ времени. Мало того: лунатики часто могутъ совершать даже такія дѣйствія, проявлять такія способности, которыми они въ нормальномъ состояніи не обладали: они, напр., во время припадка иногда произносятъ прекрасныя рѣчи, не будучи вообще краснорѣчивыми, свободно разговариваютъ на иностранномъ языкѣ, котораго ранѣе не знали совсѣмъ или знали очень плохо.

Такія патологическія явленія наблюдаются часто и у истеричныхъ. Возможность ихъ появленія объясняется тѣмъ, что истеричные субъекты очень нерѣдко впадаютъ въ экстазъ, т. е. въ такое состояніе, часто сопровождающееся галлюцинаціями, когда нѣкоторые мозговые центры находятся въ крайне возбужденномъ состояніи и вся душевная жизнь всецѣло сосредоточивается на одной идеѣ или на одномъ чувствѣ, причѣмъ внѣшнія впечатлѣнія или совсѣмъ не доходятъ до сознанія или доходятъ только урывками. Находясь въ экстазѣ, подобные субъекты, какъ извѣстно, могутъ проявлять такія умственные способности, которыя имъ не свойственны въ нормальномъ состояніи, пользуясь при этомъ тѣмъ матеріаломъ, который до того находился въ мозгу въ скрытомъ состояніи и который теперь всплываетъ въ сознаніи благодаря тому, что дѣятельность воспоминанія и воображенія достигла своего максимальнаго возбужденія. Нечего и говорить, что подобные факты всегда возбуждали въ публикѣ огромный къ себѣ интересъ и всегда порождали мысль о сверхъестественномъ, чудесномъ, таинственномъ. Современные медиумы по существу обнаруживаютъ такія же явленія, которыя однако приверженцами спиритизма объясняются дѣйствіемъ сверхъестественной силы, общеніемъ медиума съ духами.

Истерія пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ общественной жизни въ силу того, что истеричные субъекты обнаруживаютъ крайне рѣзкія явленія внушаемости. Внушеніе на такихъ субъектовъ дѣйствуетъ прямо и непосредственно на ихъ психическую сферу путемъ взгляда, жестовъ, слова, убѣжденія. На фактѣ внушаемости основано мнѣніе авторовъ, защищающихъ то положеніе, что для вызыванія явленій гипнотизма требуется особое предрасположеніе, которое заключается въ истерическомъ діатезѣ. Вѣдь вся сущность гипнотическихъ внушеній состоитъ именно въ томъ, что у загипнотизированнаго субъекта наступаетъ особое состояніе пассивности, благодаря чему внушенія и дѣйствуютъ на него столь неотразимымъ образомъ. У истеричныхъ состояніе пас-

сивности можно признать обычнымъ душевнымъ состояніемъ. Вотъ почему у истеричныхъ для внушенія часто не нужно даже вызывать гипнотическаго сна, такъ какъ внушаемость у нихъ рѣзко выражена и въ бодрственномъ состояніи. Этимъ обстоятельствомъ объясняются многія внезапныя исцѣленія, которыя часто относятся публикой къ разряду чудесныхъ, на этомъ основана магическая сила заговоровъ, въ этомъ нужно искать причину цѣлительнаго дѣйствія симпатическихъ средствъ.

При объясненіи многихъ истерическихъ явленій необходимо принимать во вниманіе врожденную намъ всѣмъ склонность къ подражанію. Общее свойство нашей психической организаціи отличается той особенностью, что всякое душевное движеніе или настроеніе одного индивида непосредственно отражается на психическомъ состояніи другого. По справедливому замѣчанію д-ра Кавдинскаго ¹⁾, люди въ этомъ отношеніи представляютъ аналогію съ камертонами одинаковаго тона: заставьте звучать одинъ изъ такихъ камертоновъ—и остальные сами собою придутъ въ созвучное дрожаніе, т. е. вздадутъ тотъ же музыкальный тонъ. Подражательность или стремленіе приходитъ въ унисонъ съ окружающими людьми свойственны каждому изъ насъ, являются прирожденной особенностью нашей психо-нервной организаціи и имѣютъ свое объясненіе въ самомъ устройствѣ нервно-мозгового механизма. Очень многіе изъ нашихъ нервно-психическихъ актовъ—контагіозны, если можно такъ выразиться. Всѣмъ извѣстна заразительность нѣкоторыхъ автоматическихъ дѣйствій, заразительность настроенія, заразительность чувства, страсти, влеченій и даже идей.

Само собою разумѣется, что въ патологическихъ случаяхъ дѣйствіе душевнаго контагія должно проявляться въ особенно рѣзкой степени. Истерія въ этомъ отношеніи представляетъ наиболѣе подходящую почву. Особенно контагіозными являются различные нервные припадки. Благодаря этому

¹⁾ Общепонятные психологическіе этюды. Москва, 1881 г.

очень часто наблюдаются эпидеміи истерическихъ судорогъ, развивающіяся въ воспитательныхъ домахъ, въ женскихъ пріютахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ монастыряхъ. Дѣйствіемъ душевнаго контакта объясняется также развитіе у многихъ людей въ одно и то же время однихъ и тѣхъ же обмановъ чувствъ или появленіе такъ называемыхъ коллективныхъ галлюцинацій, которыя особенно часто наблюдались въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Не меньшій интересъ представляютъ отмѣчаемыя отъ времени до времени въ исторіи человѣчества настоящія повальныя болѣзни души или психическія эпидеміи въ тѣсномъ смыслѣ, возникающія въ большинствѣ случаевъ на почвѣ религіознаго чувства. Я не намѣренъ приводить здѣсь даже краткаго описанія большихъ душевныхъ эпидемій, которыя извѣстны въ исторіи, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей темы. Я укажу только на характерныя особенности этихъ коллективныхъ болѣзненныхъ душевныхъ состояній, позволяющія связать ихъ съ истерическимъ нейрозомъ.

Если мы постараемся проникнуть въ сущность такихъ эпидемій, какъ, напр., эпидеміи самобичеванія, тарентизма и Виттовой пляски или хореоманіи, наблюдавшіяся въ XIV столѣтіи, а также особенно распространенныя въ средніе вѣка эпидеміи бѣсоодержимости или демономаніи, далѣе—эпидеміи, извѣстныя подъ именемъ анабаптизма, конвульсіонаризма и т. д., то несомнѣнно найдемъ въ характерѣ ихъ проявленія много такихъ чертъ, которыя свойственны истерическимъ конвульсивнымъ припадкамъ.

Для примѣра остановлюсь вкратцѣ на эпидеміи, которая свирѣпствовала въ 30-хъ годахъ 18-го столѣтія между янсенистами и которая получила названіе конвульсіонаризма. Происхожденіе этой эпидеміи таково ¹⁾. Янсенистскій діаконъ Франсуа, фанатикъ и строгій подвижникъ, уморилъ себя

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ цитир. работѣ д-ра В. Кандинскаго.

постомъ. Янсенисты причислили его къ лику святыхъ и стали собираться на поклоненіе къ его могилѣ на кладбищѣ церкви св. Медара. Однажды на могилѣ съ однимъ изъ присутствовавшихъ сдѣлался конвульсивный припадокъ; такимъ же припадкамъ тутъ-же подверглись и другіе. Затѣмъ подобныя припадки стали повторяться съ конвульсіонерами каждый разъ, когда они являлись на могилу діакона. Въ дальнѣйшемъ эти припадки у нихъ начали появляться дома, на улицахъ—и такимъ образомъ психическая эпидемія распространилась по всему Парижу и даже между лицами, не принадлежащими къ янсенистамъ. Во время припадка конвульсіонеры бились въ судорогахъ, катались по полу, кричали, стонали, принимали дичайшія позы и замирали въ нихъ по цѣлымъ часамъ, дѣлались надолго парализованными, нѣмыми; за судорогами слѣдовало состояніе экстаза, во время котораго конвульсіонеры проповѣдывали и пророчествовали; иногда же они лежали молча въ оцѣпенѣніи, оставаясь всецѣло поглощенными своими галлюцинаціями. Въ другихъ случаяхъ ихъ экстазъ принималъ сомнамбулическое состояніе и они автоматически произносили отдѣльныя фразы изъ Св. писанія или же отдѣльныя слова, не имѣющія никакого смысла.

Уже это краткое описаніе эпидеміи конвульсіонаризма едва ли оставляетъ сомнѣніе въ томъ, что здѣсь дѣло шло о припадкахъ большой истеріи. Извѣстно, что полный приступъ большой истеріи или истеро-эпилепсіи (въ отличіе отъ малой истеріи, которую Charcot называетъ „салонной истеріей“) состоитъ изъ 4 періодовъ: 1) періодъ эпилептовидныхъ судорогъ, 2) періодъ большихъ движеній или иначе періодъ клоунизма, 3) періодъ экстаза или пластическихъ позъ („attitudes passionnelles“) и, наконецъ, 4) періодъ бреда съ галлюцинаціями. Отсюда видно, что картина полного припадка большой истеріи имѣетъ много общаго съ только-что описанными припадками конвульсіонаризма.

Наше просвѣщенное время также несвободно отъ подобныхъ душевныхъ эпидемій. Кликушество, столь распростра-

ненное у насъ въ народѣ, представляетъ собою отраженіе средневѣковыхъ демономаній и демонопатій. Психопатическія эпидеміи религіознаго характера, развивающіяся въ формѣ сектантства, тоже принадлежатъ къ этой же категоріи явленій. Особенно рѣзко проявился истерическій характеръ въ психопатической эпидеміи, извѣстной подъ именемъ „малеванщины“ и развившейся въ 1892 году въ Кіевской губерніи ¹⁾). Припадки малеванцевъ вполнѣ напоминали собою судороги истеричныхъ: среди шума и крика они обыкновенно падали на полъ, били себя въ грудь, рвали волосы, или же прыгали, хлопали въ ладоши, издавали всевозможные звуки. Нѣчто подобное наблюдается и у другихъ сектантовъ, напр.— у скопцовъ, духоборовъ и хлыстовъ во время такъ называемаго „радѣнія“.

Наконецъ, современное увлеченіе спиритизмомъ также носитъ характеръ психической эпидеміи. Мнѣ здѣсь нѣтъ надобности распространяться о сущности спиритическихъ явленій; скажу только, что всѣ тѣ особенныя психическія состоянія, которыя свойственны истеріи и которыя относятся къ явленіямъ гипнотизма, сомнамбулизма, экстаза и въ особенности къ явленіямъ нервно-психической заразительности, могутъ дать намъ ключъ къ объясненію многихъ спиритическихъ чудесъ. Врачи, знакомые съ явленіями гипнотизма, въ состояніи по произволу вызывать у экспериментируемыхъ такія состоянія, которыя могутъ показаться еще болѣе удивительными, чѣмъ тѣ, которыми поражаютъ публику спириты-медіумы. И для объясненія этихъ явленій вовсе не нужно прибѣгать ни къ помощи „духовъ“, ни къ помощи „магнетической“ или вообще какой-либо сверхъестественной силы: все это достаточно удовлетворительно объясняется данными психологіи, физиологіи и патологіи нервной системы. Въ своихъ воззрѣніяхъ на спиритизмъ я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію, высказанному проф. Сиборскимъ. „Вѣра

¹⁾ Эта эпидемія подробно описана проф. Сиборскимъ. «Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губ.» Кіевъ, 1893.

спиритовъ въ духовъ,—говоритъ онъ,—въ возможное общеніе съ ними, въ существованіе способовъ узнавать черезъ посредство духовъ прошедшее, будущее и недоступное настоящее,—вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна съ догматикой скопцовъ, хлыстовъ и малеванцевъ. Вѣра спиритовъ въ духовъ основывается, какъ и у сектантовъ, на фактѣ экстагическихъ состояній, въ которыхъ медиумы могутъ писать, произносить слова или дѣлать что-либо, недоступное имъ въ обыкновенныхъ состояніяхъ, и это недоступное спириты приписываютъ манипуляціямъ посторонняго духа, дѣйствующаго черезъ организмъ медиума или инымъ путемъ. Подобно тому какъ хлысты и малеванцы, прорицая, произнося извѣстныя слова и дѣлая тѣлодвиженія, не признаютъ ихъ или по крайней мѣрѣ не признаютъ, какъ собственныя, а, напротивъ, признаютъ ихъ чуждыми себѣ, совершающимися волею вошешаго извнѣ духа, такъ же точно и пишущій или вертящій столбомъ спиритъ не признаетъ этихъ дѣйствій за свои, а относитъ ихъ къ дѣйствию посторонняго духа, который управляетъ имъ, какъ простымъ орудіемъ“.

Прежде чѣмъ закончить разсмотрѣніе той роли, которую играетъ истерія въ общественной жизни, я хочу еще нѣсколько коснуться значенія этого нейроза въ судебно-медицинскомъ отношеніи.

Уже на основаніи сдѣланной нами характеристики истеричнаго темперамента можно высказать предположеніе, что лица, страдающія истерическимъ нейрозомъ, особенно часто должны являться виновниками различныхъ правонарушеній. И дѣйствительно, находясь постоянно во власти своихъ болѣзненныхъ влеченій, не имѣя силъ противостоять своимъ преступнымъ желаніямъ, эти больные подчасъ совершенно теряютъ свободу дѣйствій. Часто трудно бываетъ даже предвидѣть вѣроятную реакцію истеричныхъ субъектовъ на тѣ или иныя обстоятельства ихъ жизни. Оставаясь постоянно возбужденными и недовольными, истеричные весьма перѣдко

при столкновѣніяхъ съ окружающими наносятъ имъ личныя оскорбленія; патологически усиленное воображеніе и свойственные истеричнымъ обманы воспоминанія даютъ имъ поводъ къ ложнымъ доносамъ и къ лжесвидѣтельству на судѣ; бессознательное, невольное стремленіе къ лжи и притворству толкаетъ ихъ на путь клеветы, обмана и преступныхъ интригъ; ревность и подозрительность, основанныя на ненормальныхъ половыхъ ощущеніяхъ у истеричныхъ женщинъ, являются часто основаніемъ къ возбужденію скандальныхъ процессовъ съ мужьями; подвергаясь нерѣдко навязчивымъ идеямъ, истеричныя женщины подъ ихъ вліяніемъ совершаютъ иногда кражи, поджоги; наконецъ, наиболѣе частою причиною противозаконныхъ дѣяній истеричныхъ является болѣзненно усиленная возбудимость у нихъ чувства, чрезмѣрная ихъ впечатлительность; этимъ обусловливается легкое возникновеніе у нихъ аффектовъ, которые весьма нерѣдко принимаютъ прямо патологическій характеръ.

Такимъ образомъ, воровство, поджоги, обманы, клевета, оскорбленіе чести—вотъ та область преступныхъ дѣяній, за которыя истерики особенно часто привлекаются къ суду. Являясь въ качествѣ подсудимыхъ, они и здѣсь остаются вѣрными самимъ себѣ, и здѣсь обнаруживаютъ признаки своихъ болѣзненныхъ стремленій и настроеній, и здѣсь проявляютъ склонность къ преувеличенію, къ лжи, къ притворству. Все это крайне затрудняетъ судей въ отношеніи правильной установки фактовъ преступнаго дѣянія и часто ведетъ ихъ къ заключеніямъ, не соответствующимъ истинному положенію дѣла. Въ то же время и психіатрическая экспертиза также нерѣдко ставится въ подобныхъ случаяхъ въ самое затруднительное положеніе. Попадая подъ арестъ или подъ слѣдствіе, истерики немедленно пускаютъ въ ходъ весь свой истеропатическій аппаратъ, весь запасъ своей хитрости и изворотливости, чтобы только убѣдить всѣхъ въ своей полной невинности и представить себя въ качествѣ жертвы, незаслуженно пострадавшей. И нужно сознаться, что они иногда очень ловко

вводятъ экспертизу въ заблужденіе. Если имъ удастся этого достигнуть, то они тотчасъ же затѣваютъ новый процессъ и жалуются на учиненное съ ними беззаконіе. Такимъ образомъ, являясь прибыльными кліентами для адвокатовъ, они въ то же время надѣливо беспокоятъ своимъ сутяжничествомъ судъ и полицію, подвергая мучительному испытанію терпѣніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ несчастье приходиться съ ними въ столкновеніе.

Если бы я не боялся утомить вашего вниманія, я могъ бы привести не мало примѣровъ изъ нашей и изъ иностранной судебной казуистики, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ часто истеричные субъекты и особенно истеричныя женщины обвиняются въ преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ ими безъ всякой цѣли, безъ всякихъ мотивовъ, а лишь подъ влияніемъ тѣхъ или иныхъ болѣзненныхъ влеченій. Я напому о процессахъ извѣстныхъ отравительницъ де-Бренвилье, Цванцигеръ и Готфридъ, которыя отравляли людей десятками только изъ одного стремленія удовлетворить болѣзненной потребности наслаждаться видомъ жертвы своей чудовищной жестокости. Съ такими случаями приходится встрѣчаться и по сегодня, но они до сихъ поръ остаются для насъ трудной психологической загадкой. Нѣкоторыя преступления совершаются истеричными подъ влияніемъ навязчивыхъ идей или галлюцинацій сексуальнаго характера. Къ этой категоріи преступленій, думается мнѣ, слѣдуетъ отнести сдѣланное недавно Вѣрой Геловой покушеніе на жизнь проф. Дешанеля въ Collège de France въ Парижѣ. Слѣдствію не удалось выяснить никакихъ побудительныхъ мотивовъ этого загадочнаго покушенія, въ которомъ кроется что-то странное, неуловимое, недоговоренное. И весьма вѣроятно, что это покушеніе совершено истеричкой подъ влияніемъ навязчивой идеи или псевдореминисценціи, т. е. обмана воспоминанія. За это говорятъ и данныя экспертизы, признавшей, что Вѣра Гелова представляетъ собою субъекта нервнаго, истеричнаго.

Lombroso ¹⁾ среди преступниковъ выдѣляетъ особый типъ нейропатовъ, страдающихъ политической истеріей. Отличительными особенностями ихъ психическаго склада онъ считаетъ крайнее себялюбіе и тщеславіе, склонность къ мистицизму, рѣзко выраженную импульсивность и наклонность къ галлюцинаціямъ. Къ этой категоріи преступниковъ Lombroso относитъ, напр., испанскаго анархиста *Santiago san Salvador*, сдѣлавшаго покушеніе въ театрѣ и затѣмъ заявившаго на судѣ, что его увлекала, имъ руководила и управляла какая-то неудержимая сила, которой противостать онъ не могъ. Интересно отмѣтить при этомъ патологическую наслѣдственность *Santiago*: отецъ его былъ преступникъ, а дядя, доживши до 33 лѣтъ, застрѣлился въ день своего рожденія, оставивъ слѣдующую записку: „Иисусъ Христосъ жилъ 33 года, почему я долженъ жить больше“. Lombroso находитъ также много признаковъ, указывающихъ на истерическій темпераментъ, у другого преступника, *Sante Caserio*, убившаго президента Французской республики Карно. *Caserio* имѣлъ только 21 годъ, когда совершилъ это преступленіе. Отецъ его былъ эпилептикъ. Учился *Caserio* плохо и былъ очень набожнымъ мальчикомъ; его мечтой было сдѣлаться священникомъ и проповѣдникомъ; 10-ти лѣтъ онъ ушелъ изъ дому и въ Миланѣ поступилъ въ мастерскую; здѣсь скоро его религіозный фанатизмъ превратился въ фанатизмъ политическій—и онъ сдѣлался анархистомъ. Когда его допрашивали о причинахъ его преступленія, то онъ не могъ дать опредѣленныхъ отвѣтовъ и замѣтилъ только, что онъ никогда не видѣлъ и не зналъ президента Карно; потомъ онъ добавилъ: „вы увидите меня передъ присяжными, а потомъ на эшафотѣ; о, эта послѣдняя сцена самая чудесная!“ Такая рисовка, такое бравурство почти наганунѣ смерти достаточно свидѣлствуютъ объ истеричномъ темпераментѣ этого преступника. Аналогичный типъ политической истеро-эпилепсїи изображенъ у Zola въ его „*Bête humaine*“. Историческій образчикъ преступника-

¹⁾ C. Lombroso. Die Anarchisten. Eine criminalpsychologische und sociologische Studie. Перев. Kurella, 1895.

нейропата представляет собою Неронъ, эротическія продѣлки котораго состояли, напр., въ томъ, что онъ заставлялъ женщинъ, плавая въ водѣ, кормить грудью своихъ дѣтей, а самъ наслаждался зрѣлищемъ этой чудовищно-дикой картины. Въ такомъ проявленіи извращенныхъ чувствованій и влеченій проглядываетъ даже нѣкоторый художественный вкусъ, но вкусъ нездоровый, развившійся на почвѣ больного воображенія; въ этомъ отношеніи Неронъ является нѣкоторымъ образомъ преступникомъ-декадентомъ, если только можно говорить о декадансѣ въ преступленіи.

Въ нашей судебной хроникѣ немало можно найти примѣровъ различныхъ преступныхъ дѣяній, виновниками которыхъ являются нейропаты съ истеричнымъ темпераментомъ. Мнѣ достаточно напомнить психопатку Семенову и убійцу студента Довнара—Ольгу Палемъ, чтобы вызвать въ вашемъ представленіи типы тѣхъ патологическихъ натуръ, которыхъ я имѣю въ виду. Напомню также сенсационное дѣло дѣвицы Ульрихъ и Грюнбергъ, разбиравшееся въ Москвѣ въ концѣ прошлаго года и вызвавшее столько разнорѣчивыхъ толкованій. Обѣ виновницы преступленія, какъ это выяснилось изъ наблюденій надъ ними въ больницѣ, а также изъ свидѣтельскихъ показаній, являются натурами неустойчивыми, нейропатическими, отмѣченными печатью истерической дегенерации. Въ самомъ дѣлѣ: прійти къ рѣшенію, что слѣдуетъ задушить состоятельную женщину, чтобы съ помощью ограбленныхъ у нея денегъ выбиться изъ тяжелыхъ условій жизни и получить возможность дополнить свое образованіе,—едва ли можно при нормальныхъ процессахъ мышленія, при здоровыхъ проявленіяхъ чувства. Въ дневникѣ ¹⁾ дѣвицы Грюнбергъ мы встрѣчаемъ много указаній, свидѣтельствующихъ объ ея истеричномъ темпераментѣ. Въ одномъ мѣстѣ у нея вызывается болѣзненный крикъ отчаянія: „больше я не могу переносить эту жалкую жизнь, состоящую изъ однихъ лишеній;

¹⁾ См. газетные отчеты. («Нов. Время» за 1899 г.).

хочу имѣть свою долю, какъ и другіе“. Чтобы найти эту „долю“, она готова „выйти замужъ даже за противнаго человѣка или продаться купцу“. „Теперь я буду искать Московскаго купца, все возможное я сдѣлаю, чтобы завоевать себѣ скоро положеніе,—прежде, нежели пройдетъ моя молодость, тогда ужъ будетъ поздно, а я хочу блистать, жить въ богатствѣ“. Въ другихъ мѣстахъ дневника этого озлобленнаго, мечтательнаго существа мы находимъ то грустную исповѣдь одинокой, обманувшейся въ своихъ любовныхъ идеалахъ дѣвушки, то какое-то безтолковое мечтаніе о высшемъ образованіи, то злобное сѣтованіе на несправедливость судьбы, то, наконецъ, какое-то фантастическое стремленіе къ счастью и одновременно съ этимъ безумный порывъ къ свободѣ путемъ продажи себя за деньги первому встрѣчному. Такое шатанье мысли, такая навязчивость нѣкоторыхъ странныхъ идей, такая измѣнчивость чувствъ и настроеній, такая неопредѣленность желаній и стремленій,—не являются ли всѣ эти психическія особенности характерными чертами, свойственными истеричному темпераменту. Я убѣжденно считаю преступленіе дѣвицъ Ульрихъ и Грюнбергъ продуктомъ больной воли и объясняю учиненное ими преступное дѣяніе патологическими особенностями ихъ психо-нервной организаціи.

Этимъ я могъ бы закончить свою лекцію, цѣлью которой было выяснить роль и значеніе истеріи въ наукѣ и въ жизни. Однако въ заключеніе я хочу сказать еще нѣсколько словъ о недостаткахъ въ системѣ нашего женскаго воспитанія и о тѣхъ ненормальныхъ соціальныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена современная женщина и которыя играютъ выдающуюся роль въ числѣ этиологическихъ моментовъ, способствующихъ развитію истеріи.

Не безъ основанія говорятъ, что мужчину можно считать мускульной частью человѣческаго рода, а женщину—его нервной частью. Это особенное нервное состояніе, лежащее въ основѣ темперамента женщины, является той подготовлен-

ной почвой, на которой такъ легко развиваются различныя функціональныя разстройства. Есть не малая доля правды въ слѣдующихъ словахъ Рабле ¹⁾: „Когда я говорю „женщина“, тогда я разумѣю хрупкій, измѣнчивый, непостоянный и несовершенный полъ; мнѣ кажется (говорю это съ глубокимъ выраженіемъ почтенія), что природа при сотвореніи челоуѣка лишилась той разсудительности, съ которой она создала и образовала всѣ вещи. Передумавши это сто, пятьсотъ разъ, я могъ только прійти къ тому рѣшенію, что, создавъ женщину, природа болѣе думала о социальномъ наслажденіи мужчины и о непрерывности челоуѣческаго рода, чѣмъ о совершенствѣ самой женской индивидуальности“. Ту же мысль хотѣлъ выразить и Шопенгауеръ, сказавъ: „когда природа разсѣкла челоуѣческій родъ на двѣ половины, она не точно по срединѣ провела свой разрѣзъ“.

Въ своихъ заботахъ о непрерывности челоуѣческаго рода природа поставила женщину въ такія неблагопріятныя условія для ея личнаго здоровья, которыя постоянно грозятъ ей самыми серьезными страданіями. А въ добавленіе къ этому мужчина, занявши привилегированное положеніе въ современномъ строѣ общественной жизни, не только не являлся защитникомъ женщины, какъ болѣе слабого существа, но всегда и неизмѣнно способствовалъ еще большому ослабленію ея физическаго здоровья, ея психо-нервной конституціи.

Женщина особенно нуждается въ заботахъ и попеченіи въ томъ періодѣ своей жизни, когда ея организмъ готовится къ выполненію великой функціи, предназначенной ей природой, когда она созрѣваетъ въ половомъ отношеніи и настойчиво, ежемѣсячно начинаетъ заявлять, что она готова стать матерью. Эволюція зрѣлости является весьма важнымъ, весьма серьезнымъ моментомъ въ жизни дѣвушки. Въ самомъ дѣлѣ: въ этомъ періодѣ появляются новыя органы развитія, а вмѣстѣ съ этимъ начинаютъ ощущаться новыя потребности

¹⁾ Цит. по J e a r d 'y. Loc. cit., стр. 93.

организма. На ряду съ физической эволюціей совершается духовная и нравственная метаморфоза. Въ ощущеніяхъ, чувствахъ, идеяхъ молодой дѣвушки происходитъ цѣлый переворотъ: ею овладѣваютъ смутныя, тревожныя, дотошнѣ невѣдомыя желанія; она начинаетъ иначе чувствовать, иначе думать; она ищетъ одиночества, становится задумчивой, мечтательной, печальной и сама не можетъ дать себѣ отчета во всѣхъ тѣхъ тревоженіяхъ, которыя охватили ея душу. Въ этомъ душевномъ смятеніи иногда наблюдаются неожиданныя смѣны настроеній, переходящія отъ мрачной подавленности къ самой восторженной экзальтаціи и сопровождающіяся разнообразными аффектами. Одновременно съ этимъ появляется первая менструація и окончательно нарушаетъ порядокъ въ душевномъ строѣ дѣвушки. Вотъ тутъ именно она и нуждается въ бережномъ къ ней отношеніи, въ благоразумномъ совѣтѣ, въ умѣломъ участіи. Къ сожалѣнію, она часто оставляется въ эти моменты безъ всякаго заботливаго ухода, предоставляется самой себѣ. Мало того: очень нерѣдко неопытныя дѣвушки, подъ вліяніемъ нелѣпыхъ совѣтовъ невѣжественныхъ нянекъ, а иногда и самихъ матерей, стараются задерживать регулы самыми грубыми способами и такимъ образомъ на первыхъ же порахъ произвольно нарушаютъ правильность этой важной функціи, которая по существу составляетъ одинъ изъ моментовъ овуляціи, т. е. созрѣванія яйца, и является, слѣдовательно, по удачному выраженію одного автора, какъ бы родами въ миниатюрѣ. Благодаря установившимся страннымъ предразсудкамъ, дѣвушкѣ на каждомъ шагу внушаютъ скрывать передъ всѣми, даже предъ самыми близкими домашними того же пола, этотъ столь важный актъ фізіологическаго проявленія ея половой индивидуальности. Такимъ путемъ дѣвушка съ юныхъ лѣтъ пріучается, изъ ложнаго стыда, обращать эту фізіологическую функцію въ какую-то непроницаемую тайну, какъ бы слѣдуя неразумному совѣту г-жи Гаспаренъ, что „женщина не должна себя показывать въ періодъ печальной дѣйствительности природы“. Такими требованіями таинствен-

ности окружень этотъ „періодъ печальной дѣйствительности“ дѣвушки повсюду: какъ въ семьѣ, такъ равно и въ школѣ, въ пансіонахъ, въ закрытыхъ заведеніяхъ. Помимо самыхъ печальныхъ послѣдствій такого легкомысленнаго пренебреженія положеніемъ дѣвушки въ этомъ періодѣ,—пренебреженія, объясняемаго единственно лишь невѣжественнымъ игнорированіемъ законовъ фізіологіи и гігіены и непониманіемъ всей важности ихъ значенія для здоровья,—помимо всего этого здѣсь играетъ еще немаловажную роль психологическая сторона, заключающаяся въ томъ, что дѣвушкѣ постоянно внушаютъ скрывать эту функцію, лгать, притворяться; это, быть можетъ, способствуетъ въ дальнѣйшемъ развитію въ женщинѣ лжи вообще и легкаго отношенія ея къ этому пороку.

Рѣдкая женщина, будь она даже женщиной сомнительнаго поведенія, не дѣлаетъ нѣкоторой тайны изъ всего того, что касается менструальнаго періода. Lombroso изслѣдовалъ 122 преступныхъ женщины, въ числѣ которыхъ были убійцы, воровки, отравительницы, и констатировалъ, что большинство изъ нихъ покрывались румянцемъ, когда ихъ разспрашивали о сексуальныхъ разстройствахъ, и въ то же время онѣ не обнаруживали никакого волненія, когда имъ напоминали объ ихъ преступленіяхъ. Напрасно врачи обращали вниманіе матерей и воспитательницъ на тотъ вредъ, какой приносятъ здоровью женщины подобныя предразсудки и полное пренебреженіе правилами гігіены въ теченіе менструальнаго періода. Положеніе вещей остается такимъ же и по настоящее время: и теперь еще, по совѣту старшихъ, неопытныя дѣвушки, чтобы удобнѣе пользоваться развлеченіями и удовольствіями, прекращаютъ теченіе менструальнаго періода холодными ножными ваннами или другими вредными приемами, и теперь еще воспитательницы почти не обращаютъ вниманіе на возможные отступленія въ теченіи этого періода у различныхъ дѣвушекъ, игнорируютъ при этомъ особенности ихъ конституціи и темперамента, ихъ индивидуальныя склонности, не

заботятся о примѣненіи въ это время строгихъ правилъ гигиены, касающихся туалета и общаго режима.

Я упомянулъ здѣсь объ этихъ фактахъ потому, что многочисленными наблюденіями теперь прочно установлено, какое важное значеніе имѣютъ правильный ходъ періода развитія и нормальное теченіе сопровождающихъ его первыхъ менструацій на дальнѣйшее здоровье женщины. Всѣ отклоненія отъ нормы въ этомъ отношеніи имѣютъ огромное вліяніе на возникновеніе различныхъ функціональных нервныхъ расстройствъ, особенно у лицъ предрасположенныхъ, унаслѣдовавшихъ слабую психо-нервную организацію. Заботы по отношенію къ дѣвушкамъ въ этомъ періодѣ должны касаться не только физической стороны этой функціи, но, быть можетъ, еще въ большей степени должны распространяться на бережное охраненіе ея душевныхъ силъ, ея психическаго равновѣсія, ея моральной устойчивости. Въ періодѣ развитія молодая дѣвушка представляетъ собою тотъ дѣвственный матеріалъ, изъ котораго, въ зависимости отъ умѣнія воспитателей и руководителей, должно выйти или то „нѣчто божественное“, что такъ вдохновляетъ поэтовъ, то кроткое, доброе существо, которое является носителемъ всѣхъ добродѣтелей, вѣрнымъ стражемъ семьи, другомъ человѣчества, или же, наоборотъ,— слабое, безпомощное существо, орудіе многихъ золь, носительница „всякія скверны“, „духъ праздности и унынія“.

Если вообще вѣрно, что будущее ребенка есть всегда дѣло матери, то по отношенію къ дѣвушкамъ это является сугубо справедливымъ. Весьма существенно въ этомъ возрастѣ дать правильное направленіе мыслямъ и чувствамъ молодого существа, дисциплинировать стремленія и желанія, воспитать характеръ. Особенно опаснымъ моментомъ для душевнаго здоровья молодой дѣвушки, еще неполнѣ разившейся и несформировавшейся, является переходъ отъ спокойной школьной и семейной жизни къ шумной, лихорадочной жизни свѣта, въ которую она вступаетъ большею частью безъ всякой подготовки, полная призрачныхъ ожиданій, оболъстительныхъ

иллюзій, фантастическихъ надеждъ. Разочарованіе наступаетъ скоро. Здѣсь всѣ тревоженія свѣтской жизни, всѣ житейскіе соблазны самымъ уродливымъ образомъ сочетаются съ всевозможными стѣсненіями, правилами и требованіями—и все это крайне пагубно отражается на чувствительной, нѣжной, впечатлительной натурѣ молодой дѣвушки.

Къ этому присоединяется еще вредное вліяніе чтенія безъ всякаго разбора книгъ, смущающихъ впечатлительный молодой умъ, возбуждающихъ пылкое воображеніе, дурно направляющихъ стремленія и желанія. Больше столѣтія тому назадъ Tissot сказала: „если ваша дочь въ 15 лѣтъ читаетъ романы, то въ 20 лѣтъ у ней будетъ истерика“. Не преувеличивая слишкомъ значенія этихъ словъ, можно однако согласиться, что въ нихъ есть извѣстная доля правды. Это замѣчаніе особенно слѣдуетъ отнести къ современной литературѣ. Вѣдь никто не будетъ отрицать, что текущая беллетристика въ большинствѣ случаевъ носитъ на себѣ печать разстроеннаго воображенія, что современное искусство увлечено волной большого направленія, что источникомъ новѣйшей поэзіи по большей части являются болѣзненные настроенія. Герои современныхъ романовъ представляютъ собою зачастую клиническіе типы, которымъ мѣсто въ палатахъ больницъ и лечебницъ; на литературной сценѣ сплошь и рядомъ появляются уродливые характеры, растерянные, нудные, усталые люди, изнывающіе отъ душевной пустоты, нравственнаго шатанія, мучительнаго безволя. Въ произведеніяхъ новѣйшихъ авторовъ не рѣдкость услышать сплошной стонъ душевно-истощенныхъ людей, отрицающихъ счастье, попирающихъ нравственность, не видящихъ цѣли въ жизни. О всѣхъ этихъ особенностяхъ текущей литературы и современнаго искусства даютъ ясное представленіе новыя школы декадентовъ. Говоря о новыхъ теченіяхъ въ искусствѣ, Krafft-Ebing справедливо замѣтилъ, что „музыка неомузыкантовъ—продуктъ измочаленныхъ нервовъ, большого, галлюцинирующаго воображенія; и эта музыка вліяетъ на больные нервы больныхъ слушателей такъ же, какъ морфій, кокаинъ, алко-

голь, приподымая на мгновение душевное настроеніе, чтобы затѣмъ окунуть его въ еще болѣе глубокую бездну апатіи и отчаянія. Въ живописи, въ музыкѣ, въ литературѣ эти новыя школы—это все плоды больного воображенія бѣднаго, истощеннаго, переутомленнаго, нейропатическаго человѣчества“. Ницше правильно опредѣлилъ, что содержаніе декадентскихъ мыслей можно выразить словами: вырождающаяся жизненность, желаніе гибели, великая усталость.

Легко себѣ представить, какое дѣйствіе могутъ производить такія мысли на впечатлительный умъ молодой дѣвушки въ періодъ развитія, на ея пылкое воображеніе, которое и безъ того склонно къ мистицизму, и безъ того влечетъ ее въ невѣдомый міръ грезъ, ко всему чудесному, таинственному. И вотъ на такихъ литературныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ производятся самыя смѣлыя операціи нескромнаго обнаженія всѣхъ язвъ и уродливостей больной души, она должна развивать свой умъ, воспитывать свои чувства. А если мы прибавимъ къ этому, что наиболѣе видные представители больного направленія въ литературѣ надѣлены крупнымъ талантомъ и въ своихъ твореніяхъ являются вполнѣ искренними, тогда мы поймемъ всю силу увлеченія неуравновѣшенныхъ натуръ чтеніемъ такихъ произведеній. Увлеченіе это тѣмъ болѣе опасно, что искренность авторовъ представляетъ собою большую силу, способную заражать. Неудивительно поэтому, что декадансъ въ философіи, искусствѣ и литературѣ такъ скоро породилъ декадансъ и въ жизни. Теперь и въ жизни приверженцы декаданса повсюду ищутъ увлекательной новизны и находятъ ее во всемъ уродливомъ, во всемъ томъ, что отступаетъ отъ простой, здоровой жизни.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ факторѣ, который занимаетъ видное мѣсто въ числѣ этиологическихъ моментовъ, способствующихъ развитію истеріи у женщинъ. Я имѣю въ виду социальное положеніе современной женщины, тѣ ненормальныя условія общественной жизни, въ которыхъ она поставлена. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ „проклятый“

брачный вопрос, который за послѣднее время сдѣлался очереднымъ, программнымъ вопросомъ текущей публицистики.

Насъ интересуетъ въ этомъ случаѣ вопросъ о бракѣ лишь по столько, по сколько онъ имѣетъ отношеніе къ здоровью женщины. Современный строй общественной жизни таковъ, что женщина все рѣже и рѣже получаетъ возможность нормально выполнять свое высокое назначеніе, кроющееся въ процессахъ размноженія. Что бы тамъ ни говорили, а материнство должно являться конечной цѣлью въ жизни всякой женщины. Достигая этой цѣли путемъ брака, женщина такимъ образомъ выполняетъ свое назначеніе; а выполняя это назначеніе, она вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ свою половую индивидуальность и сохраняетъ свое физическое, нравственное и душевное здоровье. Едва ли кто будетъ оспаривать то положеніе, что всѣ свойственныя женщинѣ особенности, всѣ ея природныя способности и достоинства наиболѣе полно проявляются лишь тогда, когда она становится женой и въ особенности—матерью. Съ другой стороны, справедливо и то, что лишеніе женщины ея прямого назначенія, являясь фактомъ пренебреженія законами природы, не можетъ проходить безслѣдно для ея здоровья. И въ этомъ насъ убѣждаютъ ежедневныя наблюденія. Сами женщины, отчасти по невѣдѣнію, отчасти по весьма понятному чувству стыдливости и свойственной имъ скромности, очень мало говорятъ объ этомъ предметѣ и еще меньше пишутъ о немъ. Но женскимъ врачамъ и врачамъ-невропатологамъ нерѣдко приходится убѣждаться, что во многихъ случаяхъ главными причинами истеріи и нейрастеніи у женщинъ являются или безплодіе, или разочарованіе въ супругѣ, или нѣкоторые другіе сексуальные моменты, о которыхъ я не могу здѣсь распространяться, вслѣдствіе щекотливости этого вопроса.

Однако я позволю себѣ привести мнѣніе одной женщины-писательницы, Лауры Маргольмъ, которая высказала въ этомъ отношеніи нѣсколько вѣрныхъ и справедливыхъ, на мой взглядъ, мыслей. Въ своемъ сочи-

неніи „Книга женщин“ Лаура Маргольмъ рисуетъ „психологическіе портреты“ тѣхъ современныхъ женщинъ, которыя въ борьбѣ за эмансипацію, въ стремленіи свергнуть съ себя всякую опеку, желая достигнуть свободы и самостоятельности и завоевать независимое отъ мужчины положеніе, должны были настойчиво заглушать въ себѣ всѣ женскія чувства, рвущіяся наружу, должны были коверкать свою женскую природу и постоянно страдать отъ того гнетущаго разлада, который болѣзненно раздѣлалъ ихъ душу вслѣдствіе томительной борьбы ума съ сердцемъ. И не одна женщина пала жертвой такого душевнаго разлада. Какъ яркій примѣръ такой жертвы, Лаура Маргольмъ представила извѣстнаго профессора математики, нашу соотечественницу, Софью Ковалевскую, которая своими трудами завоевала себѣ высокое уваженіе всего ученаго міра, добилась полной самостоятельности, и тѣмъ не менѣе, страдая отъ одиночества, лишена любви, не испытывая радостей святого материнскаго чувства, пала жертвой душевнаго разлада, обездоленная, неудовлетворенная. При этомъ Лаура Маргольмъ такъ опредѣляетъ назначеніе женщины: „Разъ женщина нормальна, то ея единственное назначеніе—любовь. Мужъ—это начало и конецъ жизни женщины, ибо только мужъ дѣлаетъ ее женщиной. Становясь, благодаря мужу, матерью, женщина вмѣстѣ съ тѣмъ обрѣтаетъ и здоровье, и сознаніе своего достоинства. Мужъ даетъ ей любящихъ, цвѣтущихъ дѣтей. И чѣмъ болѣе высокой степени развитія достигаютъ умъ, душа и тѣло женщины, тѣмъ послѣдняя сильнѣе нуждается въ мужѣ. Въ немъ весь смыслъ ея жизни, независимо отъ того, что она найдетъ въ немъ: неисчерпаемый источникъ счастья или великое несчастье. Содержаніе женщины—это мужъ“¹⁾).

Эти слова сказала женщина съ тонкимъ психологическимъ чутьемъ. И какъ бы мы ни относились къ женскому

¹⁾ Цит. по д-ру М. Рунге. Половая индивидуальность женщины. Рус. пер. 1899.

вопросу, даже оставаясь поборниками разумной женской эмансипации и защитниками расширения женских прав, мы все-таки не можем отрицать справедливости только-что высказанных соображений, так как они основаны на изучении физиологии и психологии женщины.

Мм. Гг.! Мое желаніе возможно полнѣе выяснитъ роль и значеніе истеріи въ наукѣ и въ жизни, а также моя посильная попытка дать сравнительную оцѣнку вызывающимъ этотъ неврозъ этиологическимъ моментамъ—завели меня слишкомъ далеко, и я боюсь уже дальше затрогивать столь опасные вопросы. Высказывая приведенныя здѣсь соображенія, я хотѣлъ главнымъ образомъ подчеркнуть ту мысль, что въ интересахъ грядущихъ поколѣній, въ интересахъ болѣе полного развитія душевныхъ, нравственныхъ и тѣлесныхъ силъ **каждаго** народа—крайне важно оберегать здоровье женщины, особенно въ періодъ выполнения ею тѣхъ физиологическихъ функцій, которыя относятся къ процессамъ размноженія, такъ какъ разстройства этихъ функцій у женщинъ часто служатъ причиною многихъ нервныхъ страданій, столь гибельно отзывающихся на потомствѣ; вмѣстѣ съ этимъ необходимо способствовать всѣми мѣрами возможно полному, здоровому проявленію индивидуальных особенностей женщины, такъ какъ онѣ даютъ начало тѣмъ высокимъ добродѣтелямъ, свойственнымъ одному лишь женскому полу, которыя являются ничѣмъ незамѣнимыми въ общемъ строѣ нашей соціальной жизни. И я склоненъ утверждать, что сознаніе необходимости охранять здоровье женщины при выполненіи ею того высокаго назначенія, для котораго она создана природой, и защищать ту роль, которую она призвана играть въ семьѣ и въ обществѣ, повинуваясь неумолимымъ законамъ природы,—что это сознаніе является лучшимъ показателемъ культуры и цивилизации **каждаго** народа. Только тогда возможенъ здоровый умственный и нравственный прогрессъ общества, когда мы будемъ бережно

охранять здоровье женщины, когда мы будемъ заботливо щадить ея неустойчивую психо-нервную организацію. Только разумное, бережное, гигиеническое, согласное съ законами природы, воспитаніе молодой дѣвушки можетъ дать намъ здоровую женщину, идеальную жену, любящую мать.

Вотъ почему возможно чаще слѣдуетъ повторять хотя и древнія, но, безъ сомнѣнія, справедливыя слова Ликурга, который говорилъ, что „въ цвѣтущихъ женахъ кроется сила народа“.
